

УДК 332.14

Регион: экономика и социология, 2024, № 2 (122), с. 3–26

С.А. Суспицын

ГРАДИЕНТЫ ЭВОЛЮЦИИ МНОГОРЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Проанализированы особенности пространственного развития экономики РФ в 2000–2020 гг. В целом территориальная структура экономики страны мало изменилась, а удельный вес ее азиатской части даже сократился. Показано, что сводные характеристики экономики обладают признаками макроструктурного равновесия в некоторых метриках, что во многом обусловлено особенностями макроэкономической политики в стране. Развитие регионов и их локальных объединений такими признаками не обладает.

Рассмотрены перспективные изменения пространственной структуры РФ в рамках трех возможных направлений: концепции социального государства, предложенной А.Г. Аганбегяном; комплекса мер новой экономической политики (НЭП-2); селективной эволюции многорегиональной системы страны на базе обобщения лучших региональных практик.

С использованием когнитивной модели проанализированы роль, место и функции каждого участника системы «регионы – федеральный центр – бизнес-структуры» как по отдельности, так и в локальных связках: «федеральный центр – бизнес-структуры», «бизнес-структуры – регионы», «регионы – федеральный центр». Особое внимание уделено анализу возможностей равновесного распределения компетенций и ресурсов развития между регионами и федеральным центром и сформулированы условия обеспечения таких возможностей.

Ключевые слова: пространственные системы; экономика федерализма; регионы; Азиатская Россия; модели тройной спирали; когнитивные модели

Для цитирования: *Суспицын С.А.* Градиенты эволюции многорегиональной системы России // Регион: экономика и социология. – 2024. – № 2 (122). – С. 3–26. DOI: 10.15372/REG20240201.

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА РАЗВИТИЯ МНОГОРЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ ЭВОЛЮЦИИ

Константы развития России. В наступающие судьбоносные для страны времена вопрос о константах приобретает особое звучание. В России всегда стратегические перемены сочетались с удивительными константами. Формирование Московского царства шло под двухсотлетним патронажем Золотой Орды. Приобщение в XVIII–XIX вв. к европейским ценностям происходило в условиях повсеместного распространения крепостного права для большинства россиян. Его рудименты сохранялись вплоть до хрущевских времен, определяя жизнь советского крестьянина без зарплаты, без пенсии и даже без паспорта. Размеры же месячной оплаты труда для большой категории трудящихся с 1930-х годов вплоть до перестроечных времен коррелировали с ценой 30 бутылок водки (по одной в день плюс, может быть, еще одну к праздникам).

Наличие констант, с одной стороны, сохраняло преемственность времен, с другой – ставило границы безудержным реформациям. Сосредоточившись на теме статьи, зададимся вопросом: а 20 лет – это много или мало? За двенадцать лет к 1904 г. построили Транссиб, вдохнув новую жизнь в примагистральную полосу сибирских территорий. За двадцать лет на рубеже XIX–XX вв. численность населения Сибири и ее экономика кратно возросли. За двадцатилетний период между Гражданской и Великой Отечественной войнами были построены десятки электростанций и сотни заводов, сформированы новые промышленные районы: Баку, Магнитка, Донбасс, Кузбасс и др. За двадцать первых послевоенных лет овладели военным и мирным атомом, распахали целину и вышли в космос. Но затем сначала потеряли темп (с 1974 г. почти 30 лет строили БАМ, с вводом Северомуйского тоннеля в постоянную эксплуатацию лишь в 2003 г.),

а потом наши правители начали состязаться в «хотелках»: «догоним и перегоним...», построим «новую историческую общность», «нынешнее поколение советских людей...», «каждой семье к 2000 г. по квартире». До экономики ли было. И так преуспели в этом, что в ходе перестройки и в «лихие девяностые» уровень экономики РФ упал настолько, что эффект «низкой базы» мог бы проявиться намного заметнее, чем по факту экономического оживления в нулевые годы, в том числе и в пространственном разрезе.

Возвращаясь к теме статьи, заметим, что и в наше время есть место судьбоносным константам, одной из которых может выступать стабильность пространственной структуры российской экономики в течение достаточно продолжительного периода.

Территориальные макропропорции РФ в 2000–2020 гг. Анализ статистики показывает, что территориальная структура экономики в последние 20 лет мало менялась (табл. 1 и 2).

Таблица 1

**Территориальная структура основных экономических показателей
в 2000 и 2020 гг., % к РФ**

Федеральный округ	Население		Доходы населения		ВРП		Реальный сектор	
	2000	2020	2000	2020	2000	2020	2000	2020
Центральный	26,1	26,9	34,6	35,9	35,2	35,9	23,1	29,2
Северо-Западный	9,7	9,5	10,5	10,4	11,0	11,3	10,6	11,0
Южный	9,6	11,2	7,2	9,6	5,7	6,9	4,9	6,1
Северо-Кавказский	5,9	6,8	2,4	4,6	1,8	2,6	1,4	1,5
Приволжский	21,6	19,9	17,4	15,8	15,8	14,6	21,8	17,7
Уральский	8,5	8,4	9,9	8,7	13,3	12,5	18,2	15,0
Сибирский	12,4	11,6	11,2	9,0	10,2	9,7	11,8	11,0
Дальневосточный	6,2	5,7	6,8	6,0	6,9	6,5	8,2	8,7

Примечание. Свою лепту в изменение структуры показателей внесли и присоединение Крыма, и передача Дальнему Востоку двух сибирских регионов. В единой структуре показатели 2000 и 2020 гг. были бы еще более сравнимы.

Источник: Регионы России / Роскомстат. – М., 2005; 2010; 2020.

Таблица 2

Территориальная структура инвестиций в основной капитал, %

Федеральный округ	2000	2005	2010	2015	2020
Центральный	29,8	27,4	23,5	26,3	31,4
Северо-Западный	9,4	13,5	12,7	10,6	11,0
Южный	9,4	6,5	9,5	9,3	7,2
Северо-Кавказский	2,5	2,5	3,4	3,5	3,6
Приволжский	18,3	17,2	16,0	17,5	13,8
Уральский	17,8	14,3	15,0	15,6	15,7
Сибирский	7,5	9,3	10,2	9,4	9,6
Дальневосточный	5,3	9,3	9,7	7,8	7,7

Примечание. В 2000 г. страна еще лежала «совсем на боку», особенно по инвестициям. Корректнее 2020 г. сравнивать со средними оценками между 2000 и 2005 гг. Тогда факт стагнации экономики будет еще заметнее. А можно, как в фигурном катании, убрать крайние оценки и сравнить 2005 и 2015 гг. – итог будет тот же.

Источник: Регионы России / Роскомстат. – М., 2005; 2010; 2020.

Стабильность территориальной структуры экономики РФ во многом объясняется низкими темпами экономического развития. Удручающую статистику приводит академик А.Г. Аганбегян [1]: за последние 30 лет ВВП России вырос лишь на 30%, что соответствует среднегодовым темпам его прироста в пределах 1%. Это существенно ниже итогов развития многих национальных экономик. Более удивительно другое: достигнутое состояние экономики можно характеризовать как макроструктурно сбалансированное и даже квазиравновесное, по крайней мере в некоторых метриках. Как показано нами ранее [5], макроагрегаты видов экономической деятельности (ВЭД) в 2019 г. (перед пандемией коронавируса) были близки по структуре к теоретическим оценкам равновесности этих агрегатов (табл. 3). Близкие результаты были получены и при анализе структуры занятости.

Равнозначимость укрупненных агрегатов ВЭД для страны в целом обеспечивалась широкими возможностями регуляторного меха-

Таблица 3

Фактические (по доле добавленной стоимости в 2019 г.) и теоретические оценки значимости видов экономической деятельности, %

Виды экономической деятельности	Фактические оценки	Теоретические оценки
Использование первичных ресурсов	21,1	22,5
Обрабатывающие производства и строительство	22,3	22,5
Воспроизводство человеческого капитала	23,2	22,5
Инфраструктурное обеспечение экономики	33,4	32,5

Источник: [5, табл. 1].

низма федерального центра влиять на макроструктурные пропорции страны и взаимную дополняемость ее европейской и азиатской макророзн. На региональном уровне, где такие возможности ограничены, обеспечить равновесность агрегатов ВЭД не удалось, да такой задачи перед регулятором и не ставилось. Итогом «ползучей» пространственной эволюции стало медленное, но поступательное снижение веса восточных регионов в национальной экономике (табл. 4).

Таблица 4

Доля азиатской макророзны по основным показателям, % к РФ

Показатель	2000	2005	2010	2015	2020
Численность населения	20,8	20,5	20,3	19,9	19,8
Реальный сектор экономики	31,6	29,7	31,3	30,5	28,8
ВРП	21,8	20,8	19,1	19,0	18,6
Денежные доходы населения	25,6	25,4	25,2	24,1	23,9
Инвестиции в основной капитал	25,9	28,0	30,0	28,5	29,3

Примечание: в макророзну вошли Тюменская область с автономными округами, Сибирский и Дальневосточный федеральные округа.

Источник: Регионы России / Роскомстат. – М., 2005; 2010; 2020.

Такое угасание экономической активности неприемлемо в новой геополитической ситуации и должно быть преодолено энергичными, системно продуманными действиями, в том числе и по изменению пространственной структуры экономики.

Направления изменения градиента пространственного развития. Проблемы пространственного социально-экономического развития обсуждаются в научной литературе достаточно активно и широко: от констатации региональных различий [2], анализа актуальных задач государственной региональной политики [3], обобщения методологических подходов, приоритетов и путей реализации стратегий развития макрорегионов России [4] вплоть до постановки общих вопросов интеграции глобальных и региональных интересов в федеративных системах [8]. Ниже обсуждаются три возможных подхода, которые можно упорядочить по масштабам социально-экономических преобразований в регионах и стране.

Наиболее простым представляется подход, основанный на обобщении лучших региональных практик хозяйствования, обеспечивающий в своем развитии определенные успехи селективной эволюции пространственной системы. Но этого уже мало, поскольку мировая экономическая система вступила в новый этап своего развития, сопровождаемый кардинальными изменениями геополитических и финансово-экономических отношений. Адекватная реакция на вызовы времени диктует более масштабные преобразования социально-экономической системы России, включая изменения производственно-технологической и пространственной структур. Такому развороту посвящены меры формирования новой экономической политики (НЭП-2) и переориентация в развитии России на формирование социального государства с рыночной организацией экономики. Пространственные изменения могут стать естественными следствиями таких преобразований.

Методы селективной эволюции развития регионов РФ. Эволюция многорегиональной системы РФ испытывает регуляторное воздействие двух групп факторов. Первая группа связана с влиянием «сверху» – со стратегическим планированием целей, условий и механизмов

развития страны, выражаемых в стратегиях, доктринах, национальных проектах, макроэкономических прогнозах и т.п. Макроэкономические целеполагания и установки воспринимаются в первую очередь регионами, ресурсно и институционально наиболее готовыми к таким воздействиям, и именно через них запускается волна распространения нововведений на остальные регионы. Другая группа факторов влияет на эволюцию пространственного социально-экономического развития РФ «снизу» и основана на обобщении лучших региональных практик хозяйствования и управления. Главными в этом процессе являются мотивации и условия саморазвития регионов. Их проявления не сводятся к простому обладанию необходимыми ресурсами, термин «саморазвитие» в данном случае означает потенциальную готовность регионов (подтверждаемую в том числе и динамикой их развития в предшествующие периоды) к переходу к другому фенотипу развития, как правило более высокого уровня, обеспечиваемому всем комплексом институциональных, ресурсных и структурных условий, которыми уже обладают большинство регионов, входящих в данный фенотип.

Объединение воздействий на развитие регионов «сверху» и «снизу» обеспечивает условия селективной эволюции пространственной системы. Важным направлением исследований в этой области является построение генетических сценариев, объединяющих сущностные черты проектной и эволюционной экономик [6].

Основные положения Меморандума новой экономической политики (НЭП-2).* В предлагаемом комплексе мер новой экономической политики в контексте основной темы нашей статьи особо следует отметить следующие:

- повышение связности экономического пространства, всемерное расширение внутреннего рынка товаров и услуг, развитие современной инфраструктуры его логистики;

* См.: Крюков В., Порфирьев Б., Широков А. Меморандум суверенного роста // Эксперт. – 2022. – № 20 (1252). – С. 44–46.

- создание условий для устойчивого социально-экономического развития регионов РФ и роста доходов населения, повышение роли государства в развитии рынка труда и в обеспечении эффективности бюджетной политики;
- увеличение масштабов использования природных ресурсов Арктики, Сибири и Дальнего Востока и наращивание глубины промежуточных переделов на базе организации кооперации высокотехнологичных производств.

Масштабные изменения социально-экономической системы РФ. Академик А.Г. Аганбегян формулирует основную задачу следующим образом: «преобразование социально-экономической системы России в развитую систему рыночного частнособственнического хозяйства в рамках социального государства, устойчивое инновационное развитие, включение РФ в лидирующую группу передовых держав мира» [1, ч. 2, с. 9]. Для ее выполнения необходимо провести три кардинальные структурные реформы: реформу собственности, реформу финансовой системы, реформу регионального управления. Последняя предполагает разработку новой концепции и новой программы пространственного развития России с приоритетным подъемом восточных районов и подтягиванием до среднего уровня отсталых регионов.

По мнению А.Г. Аганбегяна, «смысл коренного реформирования регионального управления заключается в переводе регионов на систему самокупаемости, самофинансирования и самоуправления, для чего нужно оставлять в регионе значительную часть доходов предприятий и организаций, намного уменьшив отчисления финансовых средств в центр» [1, ч. 2, с. 14]. Такая перестройка налогово-финансового механизма будет серьезно воздействовать на возможности и перспективы развития всех участников социально-экономических отношений в стране и потребует системного подхода к ее реализации. Более того, она затронет сами основы федеративного устройства страны, изменения которых необходимо проводить с учетом сложных взаимосвязей между регионами, федеральным центром и бизнес-структурами, государством и обществом.

ОБЪЕКТЫ АНАЛИЗА И ИХ СВЯЗИ В СИСТЕМЕ «РЕГИОНЫ – ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЦЕНТР – БИЗНЕС-СТРУКТУРЫ»

Ранее нами изучена теоретическая модель социально-экономических взаимодействий регионов, федерального центра и бизнес-структур [7]. Методологической основой послужили приемы когнитивного моделирования в сочетании с моделями тройной спирали. Основной результат состоит в доказательстве существования равновесных матриц связности, характеризующихся сближением сводных оценок трансакций участников в системе «регионы – федеральный центр – бизнес-структуры».

Результаты экспериментального варианта модели, настроенной на условия начала 2020-х годов, корреспондируют с отдельными предложениями экспертного сообщества: необходимы снижение присутствия государства в экономике, обеспечение большей самостоятельности бизнеса, увеличение прав регионов в межуровневых отношениях, сближение статусных компетенций регионов и бизнеса в двухуровневых отношениях и т.д. Они демонстрируют возможность увязки таких предложений в единую систему экономических преобразований.

Вооружившись теоретическими соображениями, попытаемся в сложных отношениях между регионами, федеральным центром и бизнес-структурами увидеть подтверждения или отсутствие подтверждений выводов теоретического анализа, а также возможные изменения этих сложившихся отношений.

Объекты анализа. Под *регионом* далее подразумевается понятийно или законодательно ограниченная часть территории страны с расположенными на ней ресурсами, проживающим на ней населением, резидентами и нерезидентами ее экономики, объектами инфраструктуры и социальной сферы, органами управления. Государственными законами определены задачи, структура и порядок функционирования его участников и системы управления региональным развитием.

Регион является естественной, логичной и эффективной частью устройства политической и экономической жизни государства и со-

циально-демографической организации общества. Расширенное воспроизводство существенных характеристик социально-экономических, демографических и политических процессов в регионе служит опорой устойчивого развития страны в целом. Именно в регионах происходит реальное переплетение государственных, общественных и экономических отношений в стране.

Бизнес-структуры являются основополагающими элементами рыночной экономики, взаимодействующими и конкурирующими между собой и с другими агентами на рынках ресурсов, товаров и услуг. Они различаются масштабами и эффективностью функционирования, что во многом определяет их место среди себе подобных, а также степень интереса к ним федеральных и региональных властей. Сложившиеся крупные частные корпорации, как правило наднационального масштаба, вполне устойчивы, успешны и креативны. Они вместе с государственными корпорациями, организованными в основных секторах экономики, составляют несущий каркас хозяйственного комплекса страны.

Федеральный центр наиболее разнообразно участвует в экономической жизни страны: устанавливает правила функционирования предприятий и организаций разных форм собственности и собирает налоги, поддерживает и развивает государственный сектор экономики, реализует федеральные программы по развитию приоритетных направлений экономики, обороны и государственного управления, инфраструктуры и социальной сферы, инициирует и финансирует имиджевые для власти крупные проекты. Он проводит дифференцированную политику по стимулированию экономической активности крупных, средних и малых бизнес-структур, по созданию условий для повышения уровня жизни населения и роста экономики в регионах с разным ресурсным и экономическим потенциалом и делает многое другое.

К настоящему времени власть обустроила себя: обозначила приоритеты развития, наработала механизмы мобилизации ресурсов для достижения его намеченных показателей, упрочила фундамент (в других терминах – креативный кластер: крупный частный бизнес, государственные корпорации, регионы, являющиеся фаворитами меж-

уровневых отношений). И самое главное, на наш взгляд, определилась концептуально, взяв курс на создание сильного государства, родовым атрибутом которого является сильная центральная власть. Для России (впрочем, как и для многих других стран) сочетание укрепления государственности и заботы о своих гражданах, внешне имеющее вид двуединой и крепко сбитой формулы целеполагания, в реалиях не столь уже и монолитно соединяет эти начала. Многое из того, что государство делает для себя, можно (и оно в этом преуспело) выдавать за первоочередную заботу о своих гражданах. Забота о слабых – это тоже прежде всего забота государства о себе. На деле она осуществляется в скромных масштабах, часто не решает проблемы по существу, но и не создает особой нагрузки на ресурсы государства прямым участием в их судьбе. Скорее всего, это своеобразный «макияж» на лице власти, призванный сделать его более привлекательным. Не создавая основы для реального роста потенциала и укрепления возможностей саморазвития аутсайдеров, такие действия центральной власти постоянно воспроизводятся в ежегодно повторяемых дотациях бюджетам регионов-аутсайдеров или в виде очередных «косметических примочек» малому бизнесу.

Элементарные связки. Их в изучаемой системе три: федеральный центр – бизнес-структуры; бизнес-структуры – регионы; регионы – федеральный центр.

Федеральный центр – бизнес-структуры. Развитие крупного бизнеса всегда сопровождалось неослабевающим интересом федерального центра к его устойчивому функционированию. Многие инициативы правительства появляются не только в силу лоббистских возможностей крупных структур, но и в силу объективных совпадений корпоративных и государственных интересов по ряду позиций. Внимание федерального центра к интересам среднего и малого бизнеса выражено не столь ярко и далеко не в равной мере распределено по всему спектру таких структур: во-первых, их гораздо больше по числу и разнообразию; во-вторых, они действуют, как правило, на более мелких рынках; в-третьих, из-за масштаба они более подвержены факторам риска в развитии экономики.

Бизнес-структуры – регионы. В действующем в РФ порядке отношения между регионами и бизнес-структурами вряд ли можно признать симметрично равноправными. Прописанные в Конституции и регламентированные государственными законами права еще не обеспечивают реальной субъектности регионов, особенно в сфере экономических отношений. Знаменитая попытка Н.С. Хрущева создать совнархозы как инструмент управления экономикой на местном уровне, как реальное уравнивающее противопоставление отраслевому доминированию была быстро заблокирована монопольными амбициями гигантов отечественной индустрии. Это доминирование не только сохранилось в постсоветской России, но и даже преумножилось в уродливых формах в первые перестроечные годы. Достаточно вспомнить толлинговые схемы, по которым организовывалась работа многих сибирских алюминиевых заводов. И сегодня Омский нефтеперерабатывающий завод и подобные ему «крупняки» с внешними для региона оборотами, пополняя федеральную и региональную казну, не только порождают миллиардеров из числа единичных собственников, но и создают массу проблем с развитием инфраструктуры и социальной сферы в регионе.

Проблемы связаны не столько с прямыми потребностями завода в общерегиональных ресурсах, сколько с несправедливым присвоением добавленной стоимости. Теоретический анализ показывает, что ее создают все, а большую часть используют лишь немногие (в результате несправедливого распределения). Более того, правомерна и более принципиальная постановка вопроса: почему индустриальный капитал через амортизационную составляющую в цене на свою продукцию всегда имеет возможности для своего воспроизводства, а регион, с его главной заботой о воспроизводстве человеческого капитала, такой гарантированной возможности не имеет? Механизмы мобилизации всевозможных источников его доходов (налоговые и неналоговые поступления, проекции федеральных программ, активность бизнеса и проч.) лишены главного – осмысленного понимания того, сколько нужно средств для формирования амортизационного фонда для нужд воспроизводства человеческого капитала, и надежных правил его формирования.

Правильной калькуляцией для нефтеперерабатывающего завода его расходов при использовании региональных ресурсов могла бы стать прокатная оценка всех затрат в гипотетическом случае его размещения в чистом поле. Думается, что эта величина была бы намного больше тех затрат, которые реально несет завод, находясь в освоенном регионе. И следовательно, разница таких оценок, являясь экономией для НПЗ, составляет для региона величину упущенного эффекта от функционирования в нем этого завода.

Когда в далекие советские времена государство строило моногорода в Тюменской области с главной задачей обеспечения нефтепромыслов рабочей силой и всей необходимой социальной и инженерной инфраструктурой, никаких противоречий не возникало. Все шло из единого государственного кармана и все в него возвращалось, так что упущенные эффекты государства сальдировались с нулевыми итогами с реальными выгодами для него самого. Близким принципом в те годы являлся механизм инвестирования государством проектов создания крупных производств в регионах, при котором до 30% общих инвестиций планировалось вкладывать в социальную и инженерную инфраструктуру. В этом случае принцип «одного кармана» также не порождал видимых противоречий. И только созданная позднее система разнесла карманы получения эффектов и понесения затрат, создав дополнительные преимущества одним (крупному бизнесу) и дополнительные проблемы другим (регионам).

Регионы – федеральный центр. В двухуровневой системе «федеральный центр – регионы» естественный порядок распределения их компетенций по формированию и использованию ресурсов развития состоит в следующем. Основные ресурсы развития страны создаются в регионах и по фиксированным правилам они распределяются между уровнями. Центр при необходимости и возможности пополняет ресурсный потенциал нуждающихся регионов. Сами регионы отвечают за использование совокупных ресурсов с наибольшей эффективностью.

Простейшая задача поиска эффективного распределения общих ресурсов между регионами состоит в следующем. Пусть в регионах известны локализованные в них ресурсы развития и численность на-

селения: $R_s, H_s, s = 1, 2, \dots, M$. Ресурсы центра TF предназначены для пополнения региональных ресурсов с целью увеличения ресурсной обеспеченности регионов для снижения межрегиональной дифференциации. Таким образом, задача состоит в поиске такого распределения между регионами $X_s, s = 1, 2, \dots, S$ общего трансфертного фонда TF , которое позволяет достигнуть наибольшего единого уровня C гарантированной ресурсной обеспеченности регионов:

$$\begin{aligned} & R_s \quad X_s \quad C \quad H_s, \quad s = 1, \dots, S, \\ & \quad X_s \quad TF, \\ & \quad s \\ & C \quad \max. \end{aligned} \tag{1}$$

В работе [6] описаны формальные свойства решения задачи (1). Трансферты положены части регионов с меньшими, чем у остальных регионов, объемами обеспеченности собственными ресурсами, а оптимальный гарантированный уровень ресурсной обеспеченности определяется собственными возможностями региона, наиболее успешного среди этой части (т.е. самых бедных). Эти свойства повторяются и в более сложных постановках задач межуровневого распределения ресурсов для исполнения своих компетенций регионами и федеральным центром.

РАВНОВЕСНЫЕ СХЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЦЕНТРА И РЕГИОНОВ

Усложнение задачи (1). Под собственными ресурсами развития s -го региона будем понимать созданный ВРП W_s , скорректированный на величину налоговых отчислений в федеральный бюджет: $R_s (1 - \alpha_s) W_s$ (здесь α_s – ставка налоговых отчислений в федеральный бюджет, нормированных к объему ВРП). Совокупные ресурсы развития региона D_s состоят из собственных ресурсов развития R_s региональной проекции исполнения в регионе федеральных программ RF_s и собственно трансфертов X_s : $D_s = R_s + RF_s + X_s$.

Доходную часть федерального бюджета формируют два источника. Кроме поступлений с территорий ${}_sW_s$, существуют и собственные доходы федерального бюджета DFS , такие как экспортно-импортные пошлины, доходы от федеральной собственности, расположенной за границей, и т.п.

Основные расходы федерального бюджета можно разбить на три части. Одна из них носит экстерриториальный характер RFS и не связана с прямыми расходами в регионах. Вторая часть представляет собой территориальный разворот федеральных программ и других расходов центра: $TF = RF_s$. Трансферты регионам TR представляют собой замыкающую статью расходов федерального бюджета: $RF = RFS + TF + TR$. Так что баланс расширенного федерального бюджета в принятых обозначениях имеет вид

$${}_sW_s \quad DFS \quad RFS \quad RF_s \quad TR.$$

С учетом изложенного задача (1) принимает вид

$$\begin{aligned} (1 \quad {}_s)W_s \quad RF_s \quad X_s \quad C \quad H_s, \quad s = 1, \dots, S, \\ X_s \quad TR \quad DFS \quad {}_sW_s \quad RFS \quad RF_s, \\ C \quad \max. \end{aligned} \quad (2)$$

Как и в задаче (1), свойства решения определяются порядком показателей ресурсной обеспеченности регионов $((1 \quad {}_s)W_s \quad RF_s) / H_s$ и размерами трансфертного фонда TR , которые напрямую зависят от возможностей федерального бюджета, структуры и размеров других его расходов. Принципиальные характеристики решения сохраняются, но возникают содержательные нюансы, связанные с теми различиями регионов, которые отражаются в значениях экзогенных параметров ${}_sW_s, RF_s$. В разных уровнях этих параметров фиксируются структурное разнообразие экономик регионов, разная эффективность их хозяйственных комплексов, степень участия в федеральных целевых программах и т.п.

Уже в задаче (2) можно увидеть разнонаправленность интересов государства и регионов по отношению к налоговой политике. Ограничимся лишь фискальной функцией налоговой системы и ее влиянием на трансфертную политику. Очевидно, что регионы и феде-

ральный центр остаются «при своих» (имеют ресурсами развития только собственные доходы), если трансферты вместе с региональными проекциями федеральных программ в точности компенсируют налоговые отчисления из регионов. Это явно не лучший вариант организации межуровневых потоков финансовых ресурсов, поскольку в этом случае наибольший гарантированный уровень ресурсной обеспеченности регионов определяется величиной душевого ВРП самого бедного региона, $C = \min (W_s / H_s)$, и сохраняются межрегиональные различия.

Соразмерный целевому показателю C уровень обеспечения ресурсами компетенций федерального центра может быть определен следующим образом:

$$FC = \frac{DFC \cdot {}_sW_s \cdot TR}{H_s}. \quad (3)$$

Рост налоговых отчислений в федеральный бюджет, повышая его доходную базу, автоматически уменьшает ресурсные возможности регионов развиваться за счет собственных источников. Их пополнение за счет трансфертов федерального бюджета снижает, в свою очередь, ресурсные возможности федерального центра для выполнения им своих планов развития. Таким образом, разнонаправленность влияния налоговой нагрузки заставляет искать компромиссные налоговые схемы, приемлемые для обеих сторон.

Возможны три принципиально разных случая соотношения параметров C и FC , выражающих обеспеченность ресурсами компетенций регионов и федерального центра: 1) $C \ll FC$; 2) $C \gg FC$; 3) $C = FC$.

Первые два условия представляют собой явно неравновесные распределения ресурсов между регионами и федеральным центром. Они не могут признаваться приемлемыми с позиций долгосрочной перспективы вне форсмажорных обстоятельств. По-видимому, при сложившемся порядке налогообложения и распределения налоговых ресурсов между уровнями достаточно распространены заметные различия целевых показателей C и FC . И в этом случае речь может идти лишь о недопущении критических разрывов между ними. Но баланс сил, интересов и распределения ресурсов отражается третьей ситуа-

цией близких относительных показателей обеспечения ресурсами компетенций регионов и федерального центра: $C \sim FC$. (Уместно вспомнить здесь о методике распределения между бюджетами регионов и федеральным бюджетом налоговых ресурсов в пропорции пятьдесят на пятьдесят, введенной на недолгое время Министерством финансов РФ в начале 2000-х годов.)

Модель равновесного распределения ресурсов на исполнение компетенций федерального центра и регионов. Сначала изучим более простую задачу определения объемов трансфертного фонда и его распределения между регионами:

$$\frac{(1 - \frac{W_s}{H_s}) X_s}{H_s} \quad Cr, s = 1, \dots, S, \quad (4)$$

$$\frac{\sum_s \frac{W_s}{H_s} X_s}{H_s} \quad Cf.$$

Здесь Cr и Cf – минимальный гарантированный уровень обеспеченности ресурсами в расчете на 1 чел.: Cr для регионов и Cf для федерального центра.

Трансферты из федерального бюджета, пополняя собственные ресурсы регионов, позволяют обеспечить единый минимальный уровень исполнения их компетенций. Общий объем передаваемых регионам трансфертов, повышая их возможности, уменьшает ресурсы исполнения компетенций федерального центра. Собранные с регионов налоги за исключением трансфертных платежей образуют собственную ресурсную базу федерального центра для реализации им своих компетенций. Для пополнения ресурсных возможностей федеральный центр и регионы конкурируют между собой. При этом минимальный гарантированный уровень обеспеченности ресурсами в расчете на 1 чел. – Cr для регионов и Cf для федерального центра – вместе должны удовлетворять неравенству

$$Cr + Cf < w,$$

где $w = \sum_s W_s / H_s$. Это неравенство легко получить, сложив вместе условия (4). Принципиально, что разница $w - Cr - Cf$ всегда по-

ложительна и вызвана тем, что обеспеченность самых благополучных регионов и без трансфертов выше минимального гарантированного уровня. Скорректированный возможный уровень обеспеченности w_1 w w Cr Cf может быть компромиссно распределен между регионами и федеральным центром по правилу

$$Cr \quad Cf \quad w_1, \min(Cr, Cf) \quad \max. \quad (5)$$

Главными условиями такого компромисса являются равные права регионов и федерального центра в обеспечении своих компетенций и приоритетный доступ к ресурсам для отстающего «соперника». Правило максимизации минимального из уровней обеспеченности компетенций регионов и федерального центра близко к популярному в практике принятия управленческих решений приему ликвидации «узких мест», поддержки отстающих и т.п. Оно обеспечивает справедливое распределение мобильных (трансфертных) ресурсов. В данном случае легко показать, что оптимальное распределение доступных ресурсов w_1 характеризуется равенством нормированных гарантированных расходов на исполнение своих компетенций регионами и федеральным центром

$$Cr \quad Cf \quad w_1 / 2. \quad (6)$$

Усложнение модели баланса ресурсов на исполнение компетенций федерального центра и регионов. Вернемся к исходным представлениям задачи (2), немного расширив ее содержание. Принципиальное изменение состоит в том, что выделяется часть совместных компетенций регионов и федерального центра. Речь идет о региональных проекциях федеральных программ. Они финансируются за счет федерального бюджета, т.е. находятся в зоне внимания и ответственности федерального центра, но реализуются непосредственно в регионах, привлекая этим дополнительные источники для их развития, что также предполагает ответственность регионов за их реализацию. Такие затраты, пополняя ресурсы регионов, сокращают возможности федерального центра исполнять свои компетенции по другим направлениям. Ввиду сказанного далее речь идет о скорректированном составе ресурсов на исполнение компетенций и поиске равновесных оценок их распределения.

Другие отличия состоят в следующем. Противоположно направленным интересам регионов и федерального центра создают условия для существования равновесных состояний в распределении между ними ресурсов развития. Целеполагающим в такой задаче является единый параметр C , задающий минимально гарантированный уровень обеспеченности ресурсами для исполнения своих компетенций регионами и федеральным центром. По регионам этот общий уровень может быть дифференцирован в зависимости от их обеспеченности собственными ресурсами развития (параметр s в формулах (7) призван отражать этот уровень дифференциации):

$$C = \max_s \frac{(1 - s)W_s - DFS_s - RF_s - X_s}{H_s} \quad (7)$$

Анализ оптимальных решений задачи (7) позволяет утверждать, что для регионов, нуждающихся в трансфертах из федерального бюджета, такие поправки отсутствуют, $s = 1$. Для остальных регионов их значения гарантируют обеспеченность ресурсами на уровне скорректированных оценок обеспеченности исполнения своих компетенций. При этом общий уровень оптимальных гарантий C определяется условием (8), являющимся обобщением выражения (6), полученного для более простой задачи (4), и совпадает с ним при $s = 1$ для всех s и $DFS = 0$:

$$C = \frac{DFS_s - W_s}{1 - h_s} \quad (8)$$

где $\frac{DFS_s - W_s}{H_s}, h_s = \frac{H_s}{H_s}$.

Таким образом, выполненный анализ развивает аргументацию для поиска возможностей равновесного распределения компетенций и ресурсов развития между регионами и федеральным центром и для выявления условий обеспечения таких возможностей.

* * *

1. В статье проанализированы особенности пространственного развития экономики РФ в 2000–2020 гг. В целом территориальная структура экономики мало изменилась, а удельный вес азиатской части страны даже уменьшился. Основные усилия в рамках макроэкономической политики в эти годы были направлены на повышение устойчивости экономики, испытывавшей нарастание внешних угроз. При ретроспективном анализе было установлено, что макроструктура экономики страны к началу 2020-х годов даже обладала признаками определенного равновесия в некоторых метриках: распределение добавленной стоимости и численности занятых в разрезе укрупненных агрегатов видов экономической деятельности соответствовало теоретическим оценкам равноважности таких агрегатов. Можно предположить, что именно ориентация (явная или латентная) на макроструктурную устойчивость послужила основным сдерживающим фактором экономического роста. Развитие регионов и их локальных объединений признаками такого равновесия не обладает, и это, возможно, послужило, по крайней мере для некоторых из них, условием заметных экономических успехов.

2. Обсуждаются три варианта возможных изменений пространственной структуры экономики и условий их осуществления. Первый вариант основан на обобщении лучших региональных практик хозяйствования и управления. При анализе многорегиональных систем развитие этого подхода используется при построении генетических сценариев, объединяющих сущностные черты проектной и эволюционной экономик.

Адекватная реакция на вызовы времени, обусловленные кардинальными сдвигами в геополитических и финансово-экономических межстрановых отношениях, диктует необходимость более масштабных преобразований экономики России. В контексте пространственных изменений предложения, содержащиеся в Меморандуме экономического роста, направлены на создание условий для устойчивого социально-экономического развития регионов РФ и роста доходов населения, на увеличение масштабов использования природных ресурсов Арктики, Сибири и Дальнего Востока и наращивание глубины

промежуточных переделов на базе организации кооперации высокотехнологичных производств.

Более радикальные предложения академика А.Г. Аганбегяна обосновывают поворот в развитии России в направлении социального государства с рыночной организацией экономики и проведение масштабных реформ (собственности, финансовой системы, регионального управления). Необходимые изменения финансово-экономического механизма будут серьезно воздействовать на возможности и перспективы развития всех участников социально-экономических отношений в стране и требуют системного подхода к их реализации. Более того, они затрагивают сами основы федеративного устройства страны, изменения которых необходимо проводить с учетом сложных взаимосвязей между регионами, федеральным центром и бизнес-структурами, государством и обществом.

3. С использованием теоретической модели, предложенной в работе [7], проанализированы роль, место и функции каждого участника системы «регионы – федеральный центр – бизнес-структуры» как по отдельности, так и в локальных связках: «федеральный центр – бизнес-структуры», «бизнес-структуры – регионы», «регионы – федеральный центр». Особое внимание уделено анализу возможностей равновесного распределения компетенций и ресурсов развития между регионами и федеральным центром и сформулированы условия обеспечения таких возможностей. Их осуществление может повлиять и на пространственную структуру экономики.

Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект «Региональное и муниципальное стратегическое планирование и управление в контексте модернизации государственной региональной политики и развития цифровой экономики», № 121040100283-2

Список источников

1. Аганбегян А.Г. Три главных социально-экономических вызова, стоящих перед Россией, и 15 ответных шагов // Экономические стратегии. – 2022. – № 6. – Ч. 1; 2023. – № 1. – Ч. 2.
2. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. – М.: Независ. ин-т соц. политики, 2010. – 160 с.

3. Лексин В.Н. Федеративная Россия и ее региональная политика. – М.: ИНФРА-М, 2008. – 352 с.
4. *Стратегии* макрорегионов России: Методологические подходы, приоритеты и пути реализации / Под ред. А.Г. Гранберга. – М.: Наука, 2004. – 720 с.
5. Суспицын С.А. Макроструктурные и пространственные диспропорции экономики России и ее восточных регионов и направления их снижения // *Регион: экономика и социология*. – 2022. – № 3 (115). – С. 3–31.
6. Суспицын С.А. Методы и модели координации долгосрочных решений в системе «национальная экономика – регионы» / Под ред. В.В. Кулешова. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. – 296 с.
7. Суспицын С.А. Циклические модели экономических отношений регионов, федерального центра и бизнес-структур // *Регион: экономика и социология*. – 2023. – № 4 (120). – С. 3–26.
8. *The Impact of Global and Regional Integration on Federal Systems: A Comparative Analysis* / Ed. by H. Lazar, H. Telford and R. Watts. – Monreal; Kingston; London; Ithaca: McGill-Queen's University Press, 2003. – 371 p.

Информация об авторе

Суспицын Сергей Алексеевич (Россия, Новосибирск) – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17). E-mail: susp@ieie.nsc.ru.

DOI: 10.15372/REG20240201

Region: Economics & Sociology, 2024, No. 2 (122), p. 3–26

S.A. Suspitsyn

GRADIENTS IN THE EVOLUTION OF RUSSIA'S MULTIREGIONAL SYSTEM

This study examines the spatial development of the Russian economy from 2000 to 2020. Besides minor changes, the territorial structure of the economy remained stable, with a decrease observed in the Asian region's share. Our

analysis reveals indicators suggesting macrostructural equilibrium in certain metrics, largely influenced by macroeconomic policies. However, regional development and local associations do not exhibit similar equilibrium traits.

We explore potential shifts in the spatial structure of the Russian Federation across three avenues: the concept of a social state by A.G. Aganbegyan, initiatives under the New Economic Policy (NEP-2), and the selective evolution of the multiregional system based on the best regional practices.

Using a cognitive model, we scrutinize the roles, positions, and functions of each participant in the “regions – federal center – business structures” system, both independently and within local alliances: “federal center – business structures,” “business structures – regions,” and “regions – federal center.” We pay particular attention to analyzing the possibilities of distributing competencies and development resources equitably between regions and the federal center, along with outlining the conditions necessary to achieve such balance.

Keywords: spatial systems; economics of federalism; regions; Asian Russia; triple helix models; cognitive models

For citation: *Suspitsyn, S.A. (2024). Gradienty evolyutsii mnogoregionalnoy sistemy Rossii [Gradients in the evolution of Russia’s multiregional system]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (122), 3–26. DOI: 10.15372/REG20240201.*

The research was carried out with the plan of research work of IEIE SB RAS, project “Regional and municipal strategic planning and management regarding public regional policy modernization as well as digital economy development”, No. 121040100283-2

References

1. *Aganbegyan, A.G. (2022; 2023). Tri glavnykh sotsialno-ekonomicheskikh vyzovov, stoyashchikh pered Rossiei, i 15 otvetnykh shagov [Three main socio-economic challenges facing Russia and 15 responsive steps]. Ekonomicheskie strategii [Economic Strategies], p. 1 in No. 6, 2022; p. 2 in No. 1, 2023.*
2. *Zubarevich, N.V. (2010). Regiony Rossii: neravenstvo, krizis, modernizatsiya [Regions of Russia: Inequality, Crisis, Modernization]. Moscow, Independent Institute of Social Policy, 160.*

3. *Leksin, V.N.* (2008). *Federativnaya Rossiya i ee regionalnaya politika* [Federal Russia and Its Regional Policy]. Moscow, INFRA-M Publ., 352.
4. *Granberg, A.G.* (Ed.). (2004). *Strategii makroregionov Rossii: Metodologicheskie podkhody, priority i puti realizatsii* [Strategies of Macroregions in Russia: Methodological Approaches, Priorities and Ways of Implementation]. Moscow, Nauka Publ., 720.
5. *Suspitsyn, S.A.* (2022). *Makrostrukturnye i prostranstvennye disproportsii ekonomiki Rossii i ee vostochnykh regionov i napravleniya ikh snizheniya* [Macrostructural and spatial disparities in the economy of Russia and its eastern regions and ways to reduce them]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 3 (115), 3–31.
6. *Suspitsyn, S.A. & V.V. Kuleshov* (Ed.). (2017). *Metody i modeli koordinatsii dolgosrochnykh resheniy v sisteme “natsionalnaya ekonomika – regiony”* [Methods and Models for Coordination of Long-Term Decisions in the National Economy–Regions System]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 296.
7. *Suspitsyn, S.A.* (2023). *Tsiklicheskie modeli ekonomicheskikh otnosheniy regionov, federalnogo tsentra i biznes-struktur* [Cyclical models of economic relations between regions, the federal center, and business structures]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 4 (120), 3–26.
8. *Lazar, H., H. Telford & R. Watts* (Eds.). (2003). *The Impact of Global and Regional Integration on Federal Systems: A Comparative Analysis*. Monreal & Kingston, London, Ithaca: McGill-Queen’s University Press, 371.

About Author

Suspitsyn, Sergey Alekseevich (Novosibirsk, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scholar of the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russia). E-mail: susp@ieie.nsc.ru.

Поступила в редколлегию 24.07.2023.

После доработки 23.10.2023.

Принята к публикации 30.10.2023.

© Суспицын С.А., 2024